

КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ:
БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ

КИРИЛЛ
КАЗАНЦЕВ

ЛОВУШКА
ДЛЯ ТИГРА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К14

Казанцев, Кирилл.

К14 Ловушка для тигра / Кирилл Казанцев. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Колычев рекомендует: Бандитские страсти).

ISBN 978-5-04-098027-7

Капитан Максим Логинов доверял своему командиру полковнику Артемьеву до того рокового мгновения, когда мимо блокпоста промчался автомобиль и машина по приказу полковника была расстреляна. Но в ней вместо вооруженных террористов оказались мирные граждане. Все погибли. Артемьев сразу же уволился и пропал, а всю вину за случившееся возложили на Логинова. Пришлось капитану податься в бега и просить приюта у своих бывших сослуживцев. Но странное дело: сослуживцы вдруг стали погибать при загадочных обстоятельствах. И Логинов понял: кто-то убирает свидетелей того происшествия у блокпоста...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Чистова Т., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098027-7

Глава 1

— Входи, присаживайся! — Оплывший, с красным от жары лицом кадровик швырнул на стол основательно потрепанную папку, принялся развязывать на ней тесемки.

— Я постою, — буркнул в ответ Максим, мельком посмотрел на свое личное дело, прислонился к прохладной, покрашенной депрессивного цвета синей краской стене, перевел взгляд за окно. Клок паутины между рамами, два высохших на солнце тополиных листа, запутавшихся в решетке, — сколько раз за последний месяц он видел эту картину? Сегодня третий или четвертый? Ну да, четвертый, точно. Первые три закончились знакомством с очередными записями в служебной карточке — обычный и два строгих выговора подряд. Чем закончится сегодняшний визит в кадры? Третий строгач, и логическое продолжение — неполное служебное соответствие? Или будем и дальше мотать друг другу нервы — ограничимся обычным выговором? Причины командование придумает самостоятельно, в штабе целая орава креативщиков впахивает, такие формулировки выдает — куда там заголовкам в желтой прессе! Так что расслаиваться нечего, все закончится очень быстро, как и неделю,

и две назад. Почитаем, откомментируем, и на выход, подальше из душного, пыльного помещения. Максим сделал вид, что зевает, покосился на кадровика-майора. А тот копался в извлеченных из папки бумагах, рассматривал каждую так внимательно, словно видел ее впервые в жизни. «Давай, не тяни», — Максим едва не выпалил это вслух, и майор оторвался от созерцания служебной карточки.

— Ну, и что мне с тобой делать, Логинов? Тут у тебя целый букет нарушений, икебана какая-то, извиняюсь за выражение. Ни у кого больше такого нет. Ведь говорили, просили как человека... — Максим речь кадровика знал наизусть, поэтому бесцеремонно оборвал старшего по званию. Чего бояться — за «пререкание» и «неподчинение старшему» выговор уже есть, можно сократить светскую беседу, свести ее к короткому диалогу.

— Рапорт писать не буду, — заявил Максим, посмотрел на приоткрытую дверцу набитого папками сейфа, уже заранее зная, что услышит в ответ. Пусть помучаются, сволочи, не дождутся. Давайте, лепите третий строгач, предупреждение о неполном служебном соответствии, и будет вам как зимой. Одно решение гарнизонного суда об отмене всех дисциплинарных взысканий уже есть, будет и второе, и третье... Сколько понадобится, столько и будет. «Сам не уйду», — в очередной раз мысленно повторил Максим, снова посмотрел за окно. Серый бетонный забор с «Егозой» поверху и толстый ствол тополя — вот и весь пейзаж, знакомый и отвратительный до тошноты. Как и те слова, которые он услышит сейчас от вынужденного «оптимизировать» личный состав ка-

дровика. И даже не сразу понял, о чем тот говорит, пропустил первые слова мимо ушей, самоуверенно решив, что и так знает ответ.

— Да не пиши, не пиши, черт с тобой, — не поднимая глаз от вороха документов, как-то очень спокойно, даже лениво, ответил майор. Максим уставился на кадровика, ухмыльнулся, пользуясь тем, что взгляд начальства устремлен вниз и в сторону. Это что-то новенькое — ни криков, ни угроз — так мирно их общение еще не протекало ни разу. Даже не отчитал за форму одежды «номер восемь», впрочем, за это выговор тоже уже был. «Интересненько», — Максим уже не торопил события, ему не терпелось узнать, какая подлянка ждет его на этот раз.

— Не пиши, — повторил майор, посмотрел, наконец, на посетителя и почему-то вздохнул. Сгреб со стола все бумаги, аккуратно сложил перед собой. Потом взял карандашный огрызок, покрутил в пальцах, отложил, полез зачем-то в ящик стола. Майор явно не решался начать следующую часть разговора, а Максим помогать кадровику не собирался, терпеливо ждал развития событий.

— Сколько тебе осталось? — ответ на этот вопрос майору был отлично известен, но Максим, подчиняясь правилам игры, все же сказал:

— Полтора года. — И снова умолк, подпирая стенку.

— Вот и служи, — неожиданно быстро подхватил диалог майор, — спецов и так почти не осталось, увольняться никто тебя не заставляет. Служи, — еще раз сказал он и захлопнул ящик стола.

Максим даже растерялся — он не знал, как реагировать на то, что только что услышал своими ушами.

А кадровик снова углубился в чтение давно наизусть выученных бумаг и одновременно продолжал говорить ровным и нудным голосом:

— Звание очередное в срок получишь, а там, сам знаешь, жизнь с чистого листа начнется. Все взыскания аннулируются, чист будешь, аки слеза младенца. Квартиру получишь, ну и все, как положено. Да сядь ты уже, не стой над душой.

Присесть, и правда, не мешало — настолько невероятным было то, что выдал сейчас кадровик. Максим отклеился от стены, шагнул к стулу и уселся на него не как обычно — верхом, а нормально, «по-человечески», как сказала бы Ленка. «Не поверит», — подумал Максим, представляя реакцию жены на то, что говорил сейчас майор. А тот монотонно продолжал:

— Ну, бывает, погорячились, сам понимать должен. Я что — сам, что ли, по своей инициативе, оргштатные провожу? Да у меня за каждого из вас чуть не до драки с командиром доходило, веришь? — неожиданно горячо и искренне поделился с Максимом кадровик и посмотрел пристально мелкими бесцветными глазками из-под белесых редких бровей.

«Не верю», — Максим еле сдержался, чтобы не произнести это вслух, лишь кивнул головой неопределенно и все пытался понять — где поганка зарыта? Так не бывает — летом не идет снег, люди не летают как птицы, а вот так взять и резко сдать назад командование могло заставить что-то очень важное. Даже не так — непонятное и неожиданное, даже пугающее своей внезапностью. Осталось только выяснить, что именно и почему именно капитану Логинову отведена не последняя роль в этом спектакле. Майор кив-

нул, сложил все бумаги в папку, аккуратно завязал узелок из растрепанных тесемок. Повернулся к сейфу, копался там с минуту, повернулся. И, как фокусник, извлек из воздуха початую бутылку водки и два почти чистых стакана.

— Употребление спиртных напитков в служебное время, — Максим произнес это механически, таким тоном врач ставит несложный диагноз и отправляет пациента на амбулаторное лечение.

Майор коротко рассмеялся, замолчал, насторожился, прислушиваясь к доносящимся из коридора звукам. Но все было тихо, и Максим только сейчас сообразил, в чем состояла одна из странностей сегодняшней беседы — время было обеденное. В штабе не осталось никого, кроме дежурного офицера, все разбежались по домам. А то, что начальник отдела кадров жертвует горячим питанием ради ядовитого, неговорчивого капитана, не могло не насторожить. Впрочем, вида Максим не подал и все ждал, уже почти с детским любопытством, — что будет дальше?

— Мы быстро. И тихо, — кадровик ловко разлил водку по стаканам, один пододвинул к краю стола, сам поднял другой. Максим взял посуду, поставил на ладонь одной руки, прикрыл второй. И приготовился ждать тоста.

— Давай, — приглушенно скомандовал майор, влил в себя примерно половину содержимого стакана, скривился, выдохнул. Закусывать традиционно было нечем. Максим поднес стакан к губам, но пить не стал, чуть поморщился, вернул емкость с водкой в исходное положение. Майор маневра не заметил, он снова гремел содержимым ящичков стола, но поиски чего-ни-

будь съедобного результатов не дали. Значит, импровизировал, заранее не подготовился. Почему? Решил, что и так сойдет, или нечто произошло совсем недавно, перед тем, как Максим в очередной раз оказался в кабинете кадровика. А ведь у майора проблемы с поджелудочной, об этом всем давно и хорошо известно. И вот так, не щадя своего и без того слабого здоровья, пить в жару, да еще и на голодный желудок...

— Ты что, думаешь, мне самому не страшно? Еще как страшно! Выкинут к чертовой матери в чистое поле без квартиры — хоть в землянке живи. Или в тайгу, или в тундру — туда всегда пожалуйста, вакансий навалом. А у нас план по сокращению, к твоему сведению, есть. Сорок процентов — куда хочешь, туда и девай, — пожаловался на свою нелегкую долю кадровик и попутно разгласил небольшую военную тайну. Максим молча слушал, но уже чувствовал, что терпению подходит конец. Даже не терпению — надоело это дешевое кривляние уже почти пожилого человека, вынужденного таким способом доказывать преданность и лояльность руководству. Максиму даже стало немного жалко взопревшего от жары и спиртного кадровика. А тот продолжал изливать душу и делал это почти искренне:

— Я ж человек подневольный, приказ выполняю, только и всего. Если бы от меня хоть что-то зависело, никого бы из ваших не тронул. Из группы-то ты ведь один остался, правильно?

Максим молча кивнул еще раз — да, из группы, которой он командовал, кроме него, действительно никого не осталось. Кто «по собственному», кого по несоблюдению условий контракта... А то, что у людей

опыта, званий и наград как у дурака фантиков, так на это плевать всем было. Даже не плевать... Ладно, не будем лишний раз выразаться, подходящие слова и отношение к происходящему всем давно известны. Максим сжал ладонью стенки стакана, посмотрел на серый потолок, потом себе под ноги. И покосился на наручные часы — обед скоро закончится, пора бы и закругляться. «Давай уже, выкладывай, скотина, что у тебя там. И не пей больше, еще обвинят меня в том, что я тебя до приступа довел. А это уже уголовщина, причинение вреда здоровью». Мысленный посыл Максима помог. Майор все же влил в себя остатки водки, грохнул дном стакана по столу.

— Все, Логинов, иди, дослуживай. Все у тебя нормально будет, полтора года перекантуешься как-нибудь. Только... — и майор осекся, уставился на гладкую поверхность стола.

Вот оно, наконец-то. Только — как много в этом звуке, ради него и длилась эта вся почти полутора-часовая канитель. Максим чуть оскалился, поставил стакан на стол, запихнул руки в карманы камуфляжных штанов, развалился на стуле. Ну, давай, майор, на бис, аплодисменты будут, не сомневайся. Кадровик — туповатый служака, обрюзгший мужик лет сорока восьми — все прекрасно понял. Покраснел еще сильнее, сжал зубы, сдерживаясь, чтобы не заорать по привычке. Но смог, справился с собой — вопли и истерики в сценарии этой беседы не предусматривались. И заговорил глухо, сквозь зубы, не глядя на уже открыто улыбавшегося Максима:

— Тут такое дело... Тебя касается, кстати. Ты помнишь, тогда, три года назад, когда вы... ты... Ну,

сколько их там тогда было? Пятеро? — и не договорил.

— Шесть человек, из них две женщины, — перебил кадровика Максим, — все я помню. И приказ помню, и того, кто мне его передал. Я еще три раза переспрашивал, три раза подтвердили. Все мои люди слышали, не только я, они подтвердить могут. А в чем дело-то? — Максим сделал вид, что очень удивлен.

— Такое дело, — невнятно проблеял майор, и было видно, что слова Максима уничтожили в нем остатки решимости. Не помогло даже выпитое, теперь Максим уже не сомневался, «для храбрости». Но помогать кадровику не собирался, ждал, когда тот выскажет волю командования сам. Тот же мялся, смотрел косо то на собеседника, то на полупустой стакан с омерзительно теплой огненной водой, неприятно хрустел суставами пальцев рук.

— В общем, родственники их в суд подали. Справедливости хотят и компенсации. Денег им уже дали, но этого мало оказалось. Кто-то за смерть их родственников ответить должен, закон у них такой. Ну, ты и сам знаешь, не мне тебе рассказывать... — эти слова майору дались нелегко, он постоянно запинаясь и долго подбирал слова, пока выдавливал из себя эту речь. Выговорил все и замолк с облегчением, откинулся на спинку стула, давая возможность собеседнику сделать свой ход. Но Максим не торопился, обдумывал услышанное, вспоминал. Хотя чего тут вспоминать — тот день он забудет не скоро, если такое вообще возможно. Не остановившаяся по его приказу машина обстреляна, водитель и почти все пассажиры убиты. О приближении машины было известно зара-

нее, а «Нива» неслась на огромной скорости и сбила одного из бойцов из группы Максима и его самого, бросившегося наперерез. Да машина еще и скорость потом увеличила, уйти пыталась, пришлось стрелять. Если так ведут себя мирные жители, которым, по логике, нечего опасаться досмотра, то он — солист ансамбля песни и пляски Советской армии. А то, что в машине ни оружия, ни взрывчатки не оказалось, так это ничего не значит — стволы могли находиться в схроне, куда и рвалась машина, а наличие женщин с целью прикрытия в подобных группах дело обычное.

Главари боевиков, чтобы прощупать обстановку, всегда пускают впереди машину с «мирными жителями». Тем более это была засада, а расстрел свидетелей места устройства засады разведгруппы — нормальное явление во время войны, отвечающее всем канонам и нормам обеспечения скрытности. Да и приказ, который повторили трижды, не оставил сомнений в том, что тем, кто «наверху», виднее. Пусть они и отвечают.

— А я тут при чем? — безразлично поинтересовался Максим. — Кто командовал, с того и спрос. Я человек подневольный, приказ выполнял, — издевательски копируя тон кадровика, напомнил он, — не допустить прорыва из окруженного села, где находился один из главарей боевиков. И выполнил. Тем более трое еще живы были на тот момент, когда я обстановку докладывал, мы им даже первую помощь оказали.

— Да, да, — кадровик согласно закивал головой, — выполнил. Вот только кто приказ тебе отдал, демобилизовался давно, да и где его теперь найдешь...

— Ты мне лапшу-то не вешай, — Максим рывком выпрямился на стуле, подался вперед, хлопнул

ладонями по столу, — а то я не знаю, кто такие приказы отдавать должен. Руководитель операции это был, полковник, только фамилию его я забыл. То ли Стрельченко, то ли Лучников — не помню точно. Зато Устав знаю и то, кому я подчиняться должен. Я все правильно сделал. Ищите полкаша того и родственникам тех, кто по его приказу погиб, сдавайте. Ни я, ни люди мои тут ни при чем. Все, я пошел. — Максим вскочил на ноги, отпихнул к стене стул.

— Да погоди ты, погоди, — кадровик тоже поднялся, но слишком резко, поэтому сразу же плюхнулся назад, едва не промахнувшись мимо стула. Максим остановился в дверях, чуть повернул голову.

— Никто тебя ни в чем не обвиняет, выполнял приказ — вот и правильно. Ты пойми, от родственников тех, убитых, так просто не отделаешься, надо им кость кинуть, чтобы отстали. Ты вот что, — майор со второй попытки выбрался из-за стола, заковылял к Максиму, заставил снова усесться на стул. Сам пристроился на краю стола, приблизился почти вплотную, так, что от запаха сивухи Максим скривился и подался назад. Кадровик, не обращая внимания на реакцию капитана, зашептал — несвязно и громко:

— Суд уже назначен, здесь проходить будет, вся родня тех убитых сегодня приехала. Тебя как единственного свидетеля — заметь, свидетеля — вызовут. Ты вот что — дави на то, что слышно было плохо — шум, помехи в эфире. Кто приказал, что приказал — непонятно. Времени прошло много, никто ничего не помнит. Если понадобится, то справку тебе сделаем — плохо видишь, плохо слышишь, и с памятью проблемы. Молчи, самое главное, и мы про-

молчим, — значительно и уже еле слышно пообещал майор. И снова, сбиваясь, заговорил: — А как суд закончится, дослужишь, как положено, все получишь, уедешь к Москве поближе... — закончить кадровик не успел.

Максим рассмеялся негромко, улыбнулся широко, глядя в пьяные, покрасневшие от напряжения глазки кадровика, поднялся неторопливо со стула. Потом провел ладонью по губам, чуть прикусил себя за палец, чтобы успокоиться, и тихо ответил:

— Кость — это я, так ведь? Хорошо придумали, молодцы. Я их законы хорошо знаю, правосудие это зверье меньше всего волнует. Вернее, они и слова-то такого не слышали. Им человека на части порвать — что тебе курицу разделать. Прикрыться мной решили, суки? Хрен вам, скотам, — вытянутый в недвусмысленном жесте средний палец оказался перед глазами кадровика. Майор в изумлении свел к переносице оба глаза, пытаясь понять, как это вообще может быть — в его кабинете и вдруг такое? Ему... начальнику отдела кадров... какой-то капитан... Но Максима было уже не остановить, теперь-то уж точно терять ему нечего — здесь уже не просто неполное служебное несоответствие светит, а досрочное увольнение в запас со всеми вытекающими. Черт с ними, пусть подавятся. Переживем как-нибудь, не пропадем.

— Ты хозяевам своим так и скажи — пусть идут на... — Максим сдержался, сквернословов он не выносил, да и сам матерился крайне редко. «Не порть карму», — говорила в таких случаях ему жена, а ее Максим любил и к словам Ленки прислушивался. Да и сейчас не тот случай, чтобы одним в запале сказан-